

Смерть как зрелище:

Казнь Дамьена. Гравюра XVIII в.
Национальная библиотека, Париж.

казнь Дамьена

Ирина Емельянова

Правление Людовика XV считается золотым веком французского Просвещения. Это была эпоха д'Аламбера, Лавуазье, Вольтера, Дидро и Руссо. Вся Европа смотрела на Францию как на центр духовной жизни. И вот 28 марта 1757 года в столице этого просвещенного государства состоялась казнь некоего Робера-Франсуа Дамьена, поднявшего руку на самого короля – *«верного сына церкви и папы»*, монарха *«скромного и добросердечного»*. За неудавшееся покушение Дамьен расплатился столь ужасными мучениями, что, описывая его историю, большинство современных авторов ограничиваются цитатами из книги Мишеля Фуко *«Надзирать и наказывать»*, поскольку попытки пересказать еще раз невыносимые зверства, учиненные одними представителями человеческого рода над другим, превращают в настоящую пытку сам процесс написания.

Итак, ничем не примечательный человек по имени Робер-Франсуа Дамьен вошел в историю после того, как попытался всадить маленький перочинный нож в спину короля. Само по себе это действие было столь неслыханное, что Франция испытала настоящий шок. Известие распространилось с быстротой пожара. Взволнованные подданные собирались в местных

Louis XV et Damiens.

Людовик XV и Дамьен.

Гравюра из книги Артюра Арно «Иезуиты от их возникновения до наших дней» (Париж, 1846 г.)

Париж бурлил. Все с горячностью принялись осуждать «гнусный поступок». Первыми выступили англичане, затем иезуиты и яansenисты из числа наиболее активных членов парламента. Общее настроение передает высказывание одного англичанина, жившего в то время в Париже: «Из всех видов безумия это представляется наихудшим, поскольку большинство вполне справедливых мотивов, которыми руководствуются сумасшедшие, вытекают из ошибочных взглядов. Объясняя убийство, «Пороховые заговоры»¹ и другие подобные вещи религиозным рвением или добродетельным усердием, эти люди по большей части неправы, причем, как в своих взглядах на принципиальные вопросы, так и в сделанных на основе этого выводах. Все это справедливо по отношению и к тому ничтожному человечку, что убил Генриха III, и к Равальяку, заколовшему Генриха IV, и к убийце, предпринявшему отвратительное покушение на Луи XV»

Имя преступника было у всех на устах: «Дамьен!» Однако никто толком не знал, кто это был, и каким образом оказался рядом с королем. Подлинная история этого человека приобрела широкую известность совсем недавно, когда французские историки решили изучить судебные документы более чем двухсотлетней давности.

Свое имя Дамьен сообщил еще во время ареста. На первом же допросе выяснилось, что он – слуга, выходец из Арраса, но давно живет в Париже, и на данный момент ему 42 года. Вот, пожалуй, и все, что узнали о несостоявшемся цареубийце подданные Людовика XV. А вот судьи и тюремщики знали о Дамьене гораздо больше, поскольку по следствию проходили все его родственники. В частности, в тексте приговора

церквях и со слезами на глазах молились о здоровье короля. Ночью состоялось экстренное заседание Парижского парламента, председатель которого немедленно подал в отставку. И хотя уже было известно, что с королем ничего не случилось, все пребывали в состоянии паники.

Взволнованные подданные собирались в местных церквях и со слезами на глазах молились о здоровье короля. Ночью состоялось экстренное заседание Парижского парламента, председатель которого немедленно подал в отставку. И хотя уже было известно, что с королем ничего не случилось, все пребывали в состоянии паники.

Робер-Франсуа Дамьен.
Гравюра XVIII в.
Национальная библиотека, Париж.

упомянуты: «*Элизабет Молерьен, жена Робера-Франсуа Дамьена; Мари-Элизабет Дамьен, его дочь; Пьер-Жозеф Дамьен, отец Робера-Франсуа Дамьена; Луи Дамьен, брат Робера-Франсуа Дамьена, и Элизабет Шуартс, его жена; Катрин Дамьен, вдова Коттель, сестра Робера-Франсуа Дамьена; Антуан-Жозеф Дамьен, другой брат упомянутого Робера-Франсуа Дамьена, и Мари-Жанна Повре, его жена; Перин-Жозеф-Рене Масае.*»

Родиной семейства Дамьен была деревенька Ла-Тьёлуа, расположенная в окрестностях Арраса. Робер-Франсуа был восьмым ребенком в семье Пьера-Жозефа Дамьена, обнищавшего фермера, ставшего охранником в местной тюрьме. Его жена, Мария-Катарина Гийоман, умерла, когда Роберу-Франсуа было 16 лет. Судя по некоторым данным, мальчик воспитывался в семье дяди в Битоне. Из-за чрезмерной импульсивности и вспыльчивости в семье его называли не иначе как «Робер-Дьвол». Но тогда никому и в голову не могло бы прийти, что врожденная импульсивность и необузданность приведет крестьянского сына на «королевский» эшафот.

Современники описывают Дамьена как человека довольно высокого, но чрезвычайно худого и смуглого, с изъеденным оспинами лицом, главной особенностью которого был орлиный нос. Вопреки утверждению Вольтера, Дамьен никогда не был солдатом, но в качестве слуги участвовал в осаде Филипсбурга в 1734 году. Затем он прислуживал в иезуитском коллеже в Париже, который покинул в связи с женитьбой на Элизабет Молерьен. Его дальнейшая карьера в качестве слуги представляется довольно успешной: он работал в домах нескольких членов Парижского парламента, среди которых были и яростные

критики политики короля. Возможно, вместе с Дамьеном работала и его жена, поскольку известно, что была она кухаркой. Историки полагают, что по меркам своего времени Дамьен был человеком образованным, поскольку умел читать и писать, и работал по большей части в зажиточных семьях в качестве слуги

или лакея. Судя по всему, он обладал живым умом, но был склонен к экзальтации.

Известно, что во время конфликта между парламентом и королем Дамьен находился в эпицентре парламентской оппозиции: он служил у одного из лидеров янсенистов и проводил много времени во Двор-

¹ «Пороховой заговор» был устроен английскими католиками 5 ноября 1605 г. с целью убийства короля Якова I, который предпринял ряд репрессий в их отношении. Король должен был прибыть на заседание парламента, чтобы произнести тронную речь. Под здание парламента подложили бочки с порохом, но заговор был раскрыт.

де правосудия, ставшем ареной борьбы высшего служилого дворянства с «деспотизмом» короля и его правительства. Сейчас уже сложно сказать, какие выводы сделал слуга Дамьен из услышанных им пламенных речей сторонников и противников короля, однако в какой-то момент он принимает неожиданное решение, изменившее в корне не только его собственную жизнь, но и жизнь его семьи.

Украд у своего последнего хозяина 240 луидоров² (не маленькую по тем временам сумму), в июле 1756 года он вместе с семьей уезжает в Аррас, где живет в течение нескольких месяцев. Видимо, где-то в начале января Дамьен возвращается в Париж.

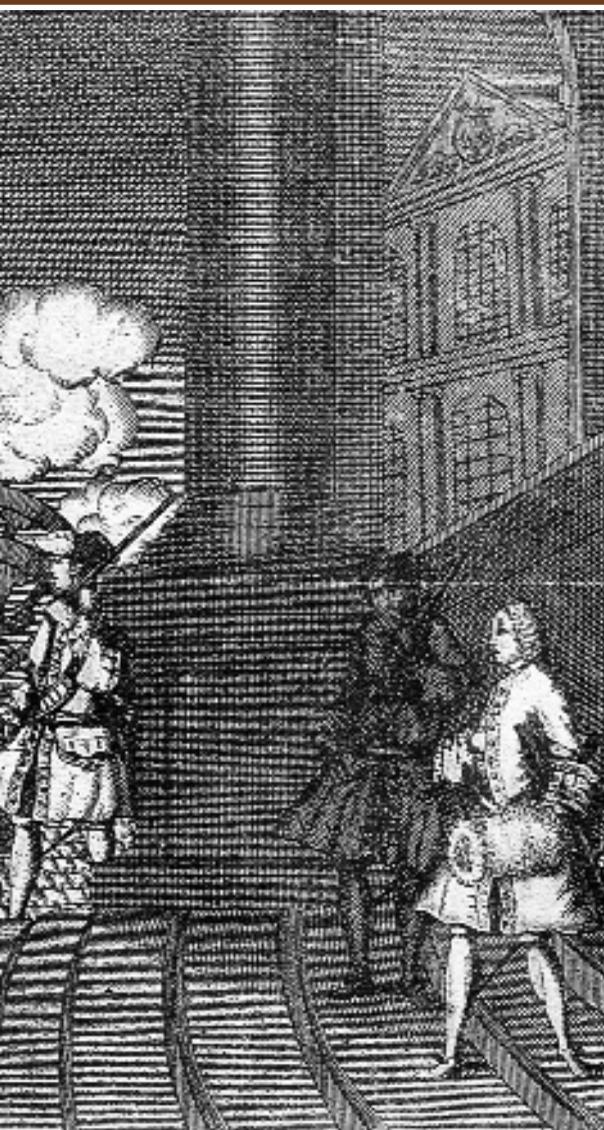
Что произошло потом, известно во всех сентиментальных подробностях.

В среду вечером, 5 января 1757 года, Людовик XV собирался нанести визит одной из своих дочерей, мадам Виктоуар³, которая в тот момент из-за болезни была прикована к постели в Версальском дворце. Сам король и его ближайшее окружение зимой предпочитали жить в более благоустроенном Большом Трианоне. В ожидании короля перед Версальским дворцом традиционно собиралась толпа из нескольких тысяч человек, надеявшихся получить аудиенцию. Среди них был и бывший слуга Робер-Франсуа Дамьен. Чтобы сойти за «благородного» он даже взял напрокат шляпу и шпагу.

Около 6 часов вечера, король спускался по лестнице из своих апартаментов в сопровождении дофина, капитана королевских гвардейцев, Старшего и Младшего конюшенных. Они направлялись к карете, которая ждала их в переходе, ведущем из Королевского двора к Северному партеру. На выходе из Кордегардии на короля внезапно нападает неизвестный мужчина. Практически сразу же его хватают, но не потому, что он напал на короля, а потому что не обнажил голову в его присутствии. По некоторым свидетельствам, буквально за секунду до инцидента один из ливрейных лакеев, увидев рядом с собой неизвестного человека в шляпе,

² 4 800 франков.

³ Мария-Луиза-Тереза-Виктоуар Французская (1733-1799 гг.), пятая дочь Людовика XV и Марии Лейцинской. Не любила фавориток отца, и критиковала его за постоянные измены матери.

Ужасное покушение 5 января 1757 г.
Гравюра XVIII в.
Национальная библиотека, Париж.

– говорит король, поворачиваясь к незнакомцу. – Пусть его арестуют, но ничего плохого не делают». Затем Людовику становится дурно, и его переносят в королевские апартаменты. Перочинный нож, лезвие которого чуть превышало 8 см., оставил длинную, но поверхностную рану между четвертым и пятым ребром. Рана была, в сущности, ничтожной, но почему-то открылось сильное кровотечение. От пережитого король падает в обморок. Очнувшись, он думает, что умирает, и просит позвать священника. Исповедовавшись и причастившись, Людовик передает королевство в руки дофина и просит у королевы прощения за все причиненные ей горести.

Как писал один английский дворянин своему другу из Парижа в Лондон: «Его Величество поправился довольно быстро. Уже к 14-му числу того же месяца рана, которую он получил 5-го, полностью зажила. Его здоровье было восстановлено, поэтому он вновь взял в свои руки бразды правления, которые до этого были переданы дофину. Поведение последнего во время столь короткого периода руководства страной было таким правильным, что король распорядился, чтобы в будущем дофин постоянно присутствовал на заседаниях Государственного совета».

После ареста Дамьена отвели в версальскую тюрьму. На первом же допросе он откровенно объясняет мотивы своего поступка, признается, что хотел лишь «предупредить короля», чтобы тот «не отклонялся от верного пути, думая больше о своих подданных, чем о себе, в полной мере сознавая возложенную на него ответственность». На вопросы о своих сообщниках, Дамьен отвечал отрицательно: «Нет, клянусь! Готов присягнуть в этом!». Даже после пыток он

якобы указал ему на непочтительное поведение в присутствии короля.

В первые несколько секунд вообще не очень понятно, что же все-таки произошло. Сначала Людовику показалось, что его ударили кулаком в правый бок, но когда он дотрагивается до этого места рукой, на ней обнаруживается кровь. «Я ранен!» – восклицает он. «Вот этот человек ударил меня,

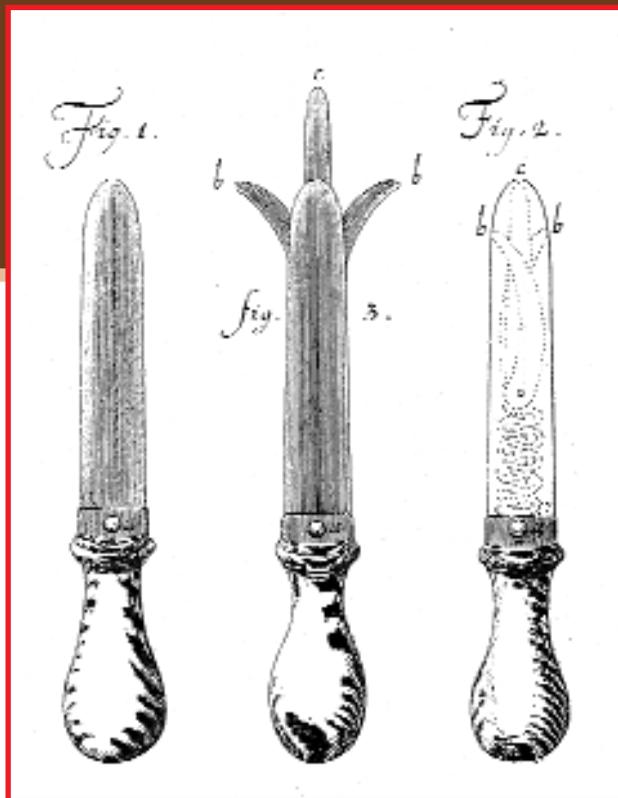
После ареста Дамьена отвели в версальскую тюрьму. На первом же допросе он откровенно объясняет мотивы своего поступка, признается, что хотел лишь «предупредить короля», чтобы тот «не отклонялся от верного пути, думая больше о своих подданных, чем о себе, в полной мере сознавая возложенную на него ответственность».

Нож Дамьена. Гравюра XVIII в.
Национальная библиотека, Париж.

Данный «нож Дамьена» – плод воображения неизвестного художника XVIII в. Настоящий нож Дамьена сохранился и представляет собой настоящий складной перочинный нож, лезвие которого было немногим более 8 см. в длину.

продолжал стоять на своем. Первый допрос «с пристрастием» произошел уже 10 января. Интересно, что после этого Дамьен написал Людовику XV письмо, в котором сообщил о том, что королевский приказ не причинять ему никакого вреда «абсолютно не соблюдается».

14 января встает вопрос о переводе Дамьена в Консьержери. Его решили поместить в так называемую Башню Монтгомери, где веком раньше томился в ожидании казни другой цареубийца – Франсуа Равальяк. По одним данным, Дамьена поместили в ту же камеру, по другим – этажом выше. Так или иначе, но в Консьержери Дамьена перевезли только 17 января. Сделать это раньше не получилось, так как «раны его были слишком свежи». Вот что скрывается за этой фразой: после многочасовых пыток раскаленными щипцами Дамьен уже не мог ходить.

Вот описание камеры в Консьержери, где содержался Дамьен: «Это круглая комната, 24 фута⁴ диаметром, освещаемая только через узкие бойницы, шириной 8-9 дюймов⁵ и высотой в 3 фута⁶... В камере не было никакого очага или камина, но она была достаточно теплой благодаря печке, располагавшейся в комнате охраны, которая находилась под камерой... Заключенный был привязан к кровати системой крепких «венгерских ремней»... эти ремни держали его плечи и крепились к кольцам, вмонтированным в пол. Еще два ремня держали руки... два других связывали бедра и закреплялись на таких же кольцах... под каждую руку обвиняемого были подложены широкие ковры из кожи, чтобы избежать воспаления и ссадин». Заключенного отвязывали только для отправления естественных нужд. Он все время находился под наблюдением четырех охранников, сменявших друг друга каждые 4 часа. Еще 8 охранников, готовых прибежать при малейшем шуме, находились в помещении над камерой. В распоря-

Робер-Франсуа Дамьен.
Голландская гравюра XVIII в.
Национальная библиотека, Париж.

⁴ Примерно 7 м.

⁵ Примерно 23 см.

⁶ Чуть меньше 1 м.

Робер-Франсуа Дамьен. Гравюра XVIII в.
Национальная библиотека, Париж.

14 января встает вопрос о переводе Дамьена в Консьержери. Его решили поместить в так называемую Башню Монтомери, где веком раньше томился в ожидании казни другой царевубийца – Франсуа Равальяк. По одним данным, Дамьена поместили в ту же камеру, по другим – этажом выше.

жени Дамьена был личный повар и 2 врача. Вся эта «забота» об осужденном была направлена на одно: не дать ему сбежать или, еще хуже, покончить с собой. Царевубийца обязательно должен был дожить до публичной казни и при этом быть достаточно «здоровым», чтобы выдержать многочасовую экзекуцию.

Людовик XV практически сразу же объявил, что прощает убийцу. Вероятно, он предпочел бы чисто символическое наказание, но в данном случае решение вопроса было не в его компетенции. Согласно закону, преступление Дамьена находилось в юрисдикции королевского Прево, стоявшего во главе охраны королевской резиденции. Дофин предлагал создать комиссию из членов Государственного совета и высших судейских чинов. Но в результате тайной сделки между королем и Парижским парламентом ответственность за проведение судебного расследования была возложена на парламентариев. Причем, следствие должно было проводиться в атмосфере строжайшей секретности. 15 января вышло

«Правдивый портрет Робера-Франсуа Дамьена, гнусного отцеубийцы Людовика XV, Возлюбленного». Гравюра XVIII в.
Национальная библиотека, Париж.

Самое правдивое на этом портрете Дамьена – форма ножа, который, правда, в реальности был гораздо меньших размеров. Как и остальные изображения Дамьена, эту гравюру сложно назвать настоящим «портретом».

LE VRAI PORTRAIT
DE ROBERT-FRANÇOIS DAMIENS,
Infâme parricide de LOUIS, XV. le BIEN-AIMÉ.

*Dans le sein de Louis ce Monstre détesté
Enfonça sans fremir l'instrument de la Mort,
Mais à nos vœux le Ciel signalant sa bonté
Le rendit triomphant du fort.*

François Bavoille natif d'Appoulême serviteur de Henry 4. Roi de France enlevé, fut conduit le 27. may devant l'Église N. D. ou il fut demandé honorable et en suite à la grâce ou il eut le dernier supplice.

Robert François Damiens natif du faubourg St. Catharine d'Arras âgé de 42. ans fils de Pierre Joseph Damiens artisan à la rue de Louis 16. Roi de France le 5. janvier 1707.

распоряжение, согласно которому суд над Дамьеном должен был проходить в Большой палате парламента, а не в обычном зале для рассмотрения уголовных дел. Дамьен обвинялся лишь в одном – убийстве короля. Как точно выразился Людовик XV: «Христианские чувства, коими исполнено каждое движение нашего сердца, говорят нам о милосердии. Однако наш народ, которому наша жизнь принадлежит в той же мере, как и нам самим, требует от нашего суда наказать преступника. И хотя это противоречит нашим желанием, мы хотим, чтобы народ был счастлив».

12 февраля в Большой палате парламента состоялось первое из десяти судебных заседаний по делу Робера-Франсуа Дамьена. Ему задавали одни и те же вопросы, но ответы на них никого не интересовали. В сущности, ему вообще не давали ничего говорить в свою защиту. Утром 28 марта он был доставлен из своей камеры в суд для вынесения пригово-

вора. Дамьена приговорили к публичному покаянию «перед главным входом парижской церкви»⁷, куда он будет «привезен на телеге, в одной рубашке, с горящей свечой весом в два фунта⁸ в руках», после чего будет препровожден «в той же телеге на Гревскую площадь на возведенный там эшафот». После «раздирания раскаленными щипцами сосцов, рук, бедер и икр» его надлежало «возвести на сооруженную там плаху, причем в правой руке он должен держать нож, коим намеревался совершить цареубийство; руку сию следует обжечь горячей серой, а в места, разодранные щипцами, плеснуть вареного из жидкого свинца, кипящего масла, смолы и расплавленного воска и расплавленной же серы, затем раздрать и расчленить его тело четырьмя лошадьми, туловище и оторванные конечности предать огню, сжечь дотла, а пепел развевать по ветру».⁹ Выслушав приговор суда, Дамьен (согласно не-

⁷ Имеется в виду Собор Парижской Богоматери.

⁸ Почти 1 кг.

⁹ Цит. по: Фуко М. Надзирать и наказывать. – М., 1999. – С.7.

← Равальяк и Дамьен.
Гравюра XVIII в.

Внизу:
Допрос Дамьена. Гравюра XVIII в.
Национальная библиотека, Париж.

Людовик XV практически сразу же объявил, что прощает убийцу. Вероятно, он предпочел бы чисто символическое наказание, но в данном случае решение вопроса было не в его компетенции. Согласно закону, преступление Дамьена находилось в юрисдикции королевского Прево

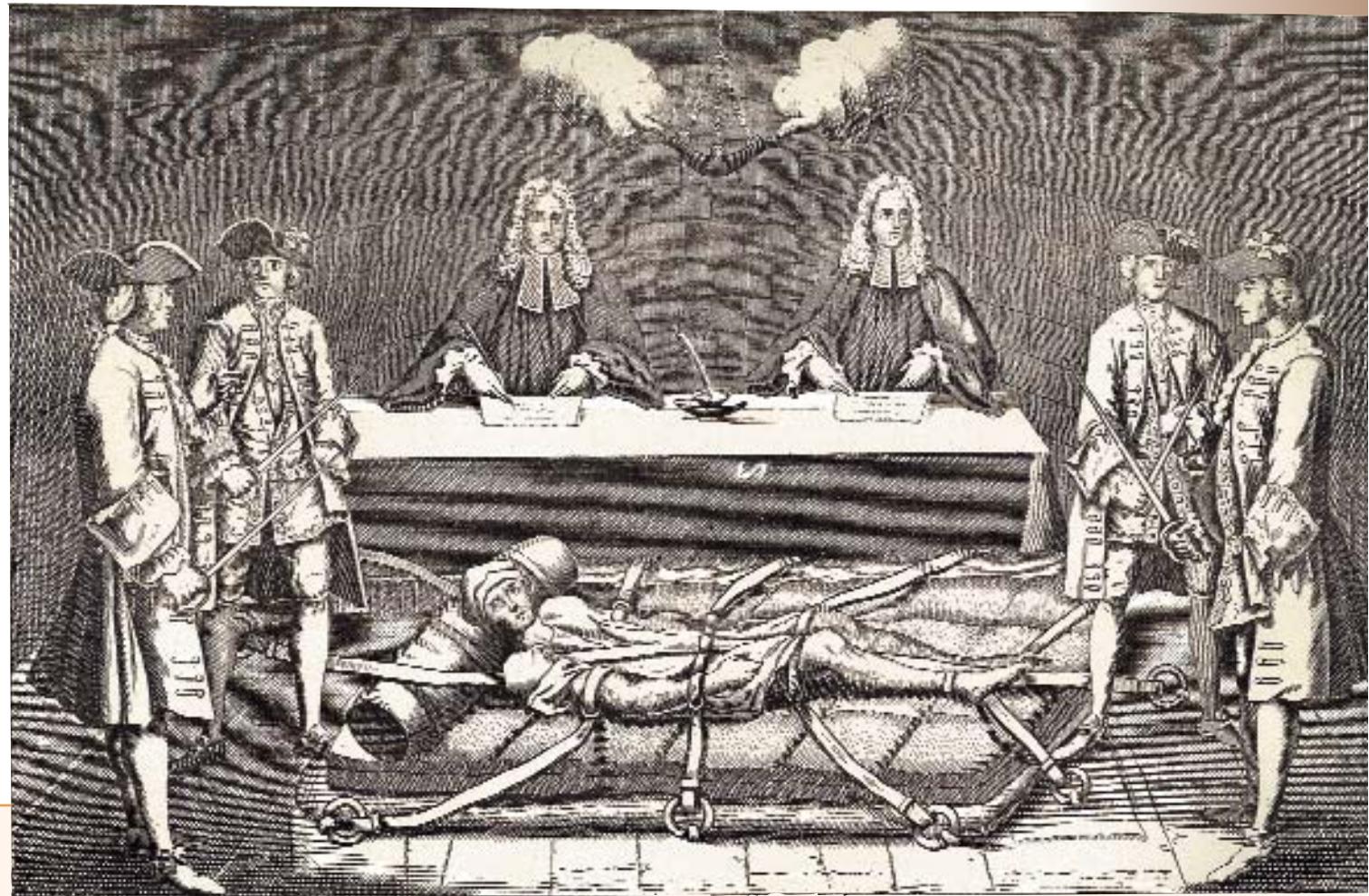
которым источником) произнес ставшую впоследствии знаменитой фразу: «День будет тяжелым».

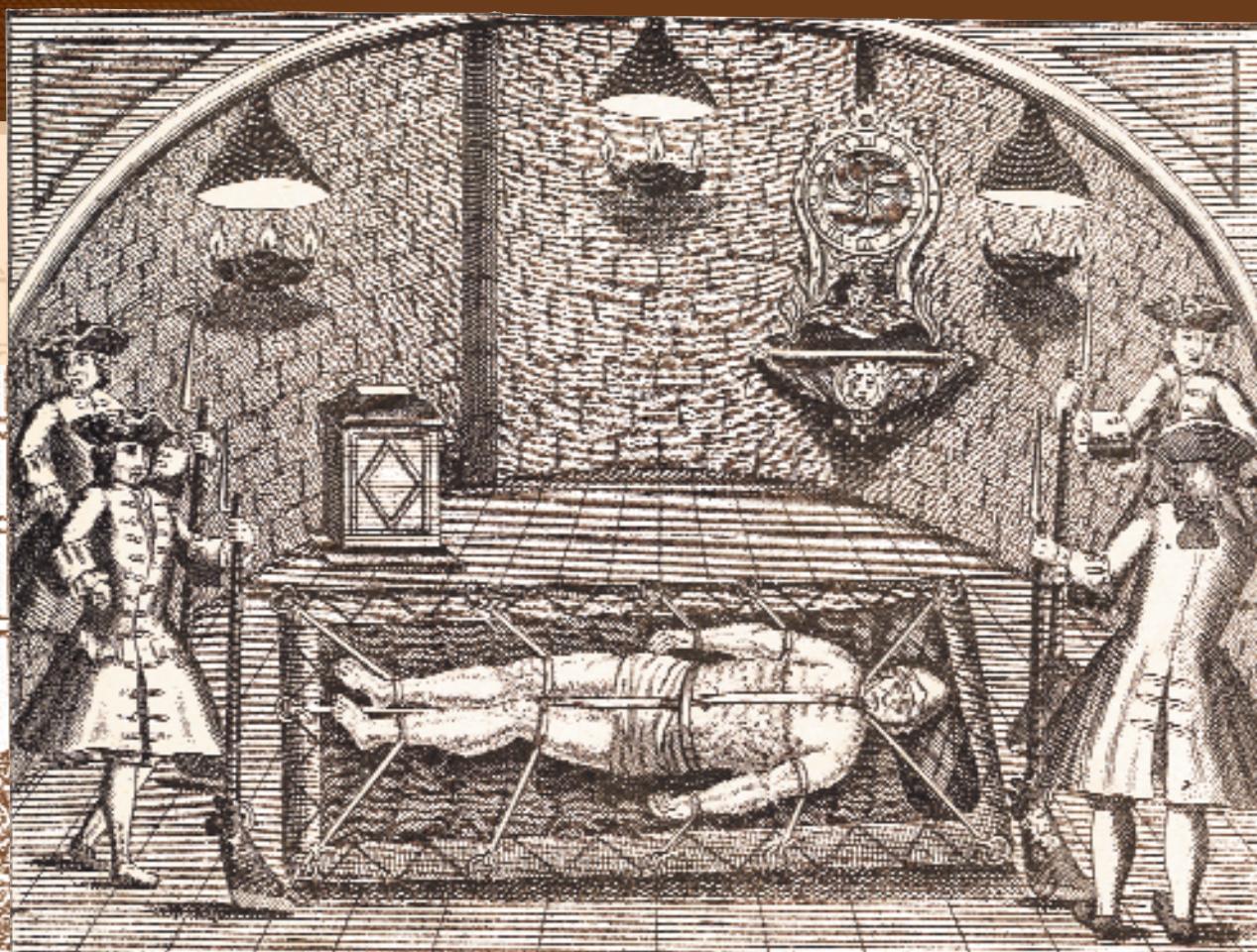
В день казни на Гревской площади собралась огромная толпа народа. Предвидя невиданную давку и беспорядки, торговцы, чьи магазины находились в непосредственной близости к площади, решили в этот день свернуть торговлю. Казалось, весь Париж возжелал присутствовать на этом «спектакле». Дорогие места — окна в домах, выходящих на площадь, — шли по

цене золотых монет. В газетах того времени писали, что один из таких зевак, засмотревшись в процессе экзекуции, выпал из окна и, падая, убил еще двух человек.

Одно из окон на Гревской площади арендовал Джакомо Казанова, наблюдавший за тошнотворным зрелищем в обществе приятеля и нескольких дам. Казанова сообщает о том, что предложил посещение казни в качестве популярного развлечения: «приметив, что всем любопытно взглянуть на страшное

зрелище, я предложил им просторное окно, откуда нам будет видно всем пятерым. Они согласились сразу, с первого захода. Я дал слово заехать за ними; но окна у меня не было, и когда все поднялись из-за стола, я извинился неотложным делом, взял фиакр, помчался на Гревскую площадь и в четверть часа снял за три луидора прекрасное окно на антресоли, меж двух лестниц. Я уплатил и взял расписку, оговорив шестьсот франков неустойки. Окно было прямо напротив

эшафота». 28 марта Казанова заехал за дамами и отвез их на Гревскую площадь: «Они встали втроем у окна, наклонившись вперед и опершись локтями на подоконник, чтоб не мешать нам смотреть. Перед окном были две ступеньки, они встали на вторую, а мы должны были примоститься на ней сзади, иначе ничего бы не увидели».

«Нам достало упорства битых четыре часа наблюдать сей страшный спектакль» – пишет Казанова далее. – Описывать его я не стану, это слишком долго, да к тому же всем ведомо».

И без того жестокий приговор был исполнен самым зверским образом. Собранные со всей Франции 16 палачей не имели

И без того жестокий приговор был исполнен самым зверским образом. Собранные со всей Франции 16 палачей не имели «практических навыков» для выполнения истязаний подобного рода. После вынесения приговора знаменитый реймский палач Никола-Шарль-Габриэль Сансон сделал все возможное, чтобы найти себе замену, но у него ничего не вышло. Его помощником в тот день был племянник Шарль-Анри Сансон – будущий главный парижский палач, вошедший в историю после того, как обезглавил Людовика XVI, а затем и его обвинителей.

← Дамьен на своем убогом ложе.
Гравюра XVIII в.
Национальная библиотека, Париж.

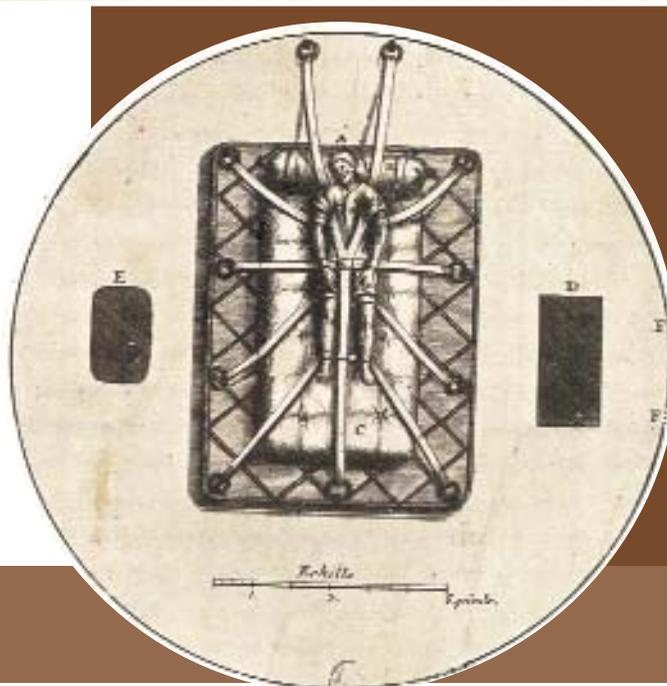
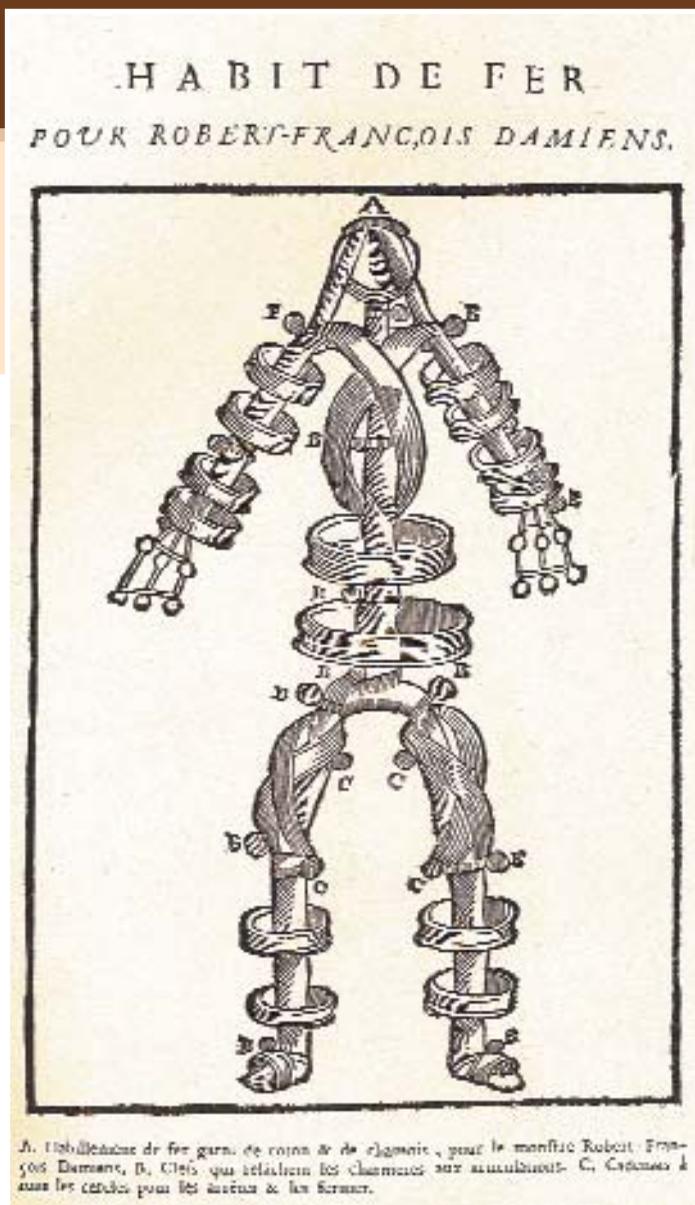
Тюремное «железное одеяние» Дамьена:

- А – прокладки из хлопка и замши;
 - В – ключи, с помощью которых ослабляли оковы в местах суставов;
 - С – висячие замки на каждом обруче.
- Гравюра XVIII в.

«практических навыков» для выполнения истязаний подобного рода. После вынесения приговора знаменитый реймский палач Никола-Шарль-Габриэль Сансон (1658-1695 гг.) сделал все возможное, чтобы найти себе замену, но у него ничего не вышло. Его помощником в тот день был племянник Шарль-Анри Сансон (1739-1806 гг.) – будущий главный парижский палач, вошедший в историю после того, как обезглавил Людовика XVI, а затем и его обвинителей – Дантона и Робеспьера. Восемнадцатилетний Шарль-Анри был так потрясен тем, что разворачивалось на его глазах и при его участии 28 марта 1757 года, что не смог ассистировать своему дяде до конца экзекуции.

Мельчайшие подробности казни воспроизведены в многочисленных свидетельствах современников и периодической печати того времени. Мишель Фуко в своей книге «Надзирать и наказывать» приводит описание казни, сделанное одним из караульных, стоявших на площади: «Зажгли серу, но пламя оказалось столь слабым, что лишь слегка опалило кожу с наружной стороны руки. Затем один из заплечных дел мастеров, высоко засучив рукава, схватил специально выкованные стальные щипцы фута в полтора длиной и принялся раздирать ему сначала икру правой ноги, затем бедро, потом с обеих сторон мышцы правой руки, потом сосцы. Палач сей, хоть и был человек дюжий, с большим трудом вырывал куски мяса, которое ему приходилось захватывать щипцами дважды или трижды с одной и той же стороны и выворачивать, и на месте изъятых всякий раз оставалась рана величиной с монету в шесть ливров.

После этих терзаний Дамьен, много кричавший, но не богохульствовавший, поднял голову и оглядел себя. Тот же пристав-

Тюремное ложе Дамьена в Башне Монтгомери.
Гравюра XVIII в.

Robert François Damiens,
*Exécuté en Place de Grève, le 26 Mars 1757, pour
 un assassinat commis par lui le 5 Janvier précédent, sur le
 Personne sacrée de LOUIS XV, Roi de France.*

«Робер-Франсуа Дамьен, четвертованный на Гревской площади 28 марта 1757 года как убийца, совершивший 5 января прецедент по отношению к Священной особе Людовика XV, короля Франции». Гравюра XVIII в. Национальная библиотека, Париж.

порвать связки. Так пробовали много раз, но безуспешно. Он поднимал голову и оглядывал себя. Пришлось впрячь еще двух лошадей, в помощь тем, что были привязаны к бедрам; лошадей стало шесть. Но и это тщетно.

Наконец, палач Самсон сказал господину Ле Бретону, что нет ни способа, ни надежды довести дело до конца, и попросил его осведомиться у господ судей, не позволят ли они разрезать Дамьена на куски. Вернувшись из города, господин Ле Бретон приказал попробовать еще раз, что и было исполнено. Но лошади заартачились, а одна из привязанных к бедрам рухнула наземь.

ленный к щипцам палач железным черпаком захватил из котла кипящего варева и щедро плеснул на каждую рану. Затем к телу осужденного привязали тонкие тросы, прикрепленные с другого конца к сбруе: к ногам и рукам, по одному к каждой конечности.

Достопочтенный Ле Бретон, секретарь суда, несколько раз поднимался к осужденному и спрашивал, не хочет ли он чего сказать. Тот отвечал отрицательно. При каждой попытке кричал адским криком: «Боже, помилуй! Господи, помилуй!» Несмотря на все мучения, время от времени поднимал голову и отважно оглядывал себя. Тросы на конечностях были затянуты так туго, что причиняли ему несказанную боль. Господин Ле Бретон еще раз взмолился на плаху и спросил, не желает ли он чего сказать. Тот отказался. Несколько духовников поднялись и долго говорили с ним. Он охотно целовал поднесенное расятие, вытягивал губы и все повторял: «Господи, помилуй!».

Лошади рванули, каждая из них тянула к себе выпрямленную конечность, каждую держал палач. Через четверть часа процедуру повторили, и после нескольких попыток пришлось направить лошадей по-другому: тех, что тянули за руки, стали поворачивать в сторону головы, а тех, что были привязаны к бедрам, – в сторону рук, чтобы

J. F. Goussier delinavit et fecit.

Внизу:

Вид на парижскую Ратушу и Гревскую площадь. Гравюра Исаэля Сильвестра из серии «Виды Парижа» (1655 г.)

Духовники вернулись и снова говорили с ним. Он сказал им (я слышал): «Поцелуйте меня, судари». Кюре церкви Святого Павла не осмелился, а господин де Марсийи нагнулся, прошел под веревкой, привязанной к левой руке, и поцеловал его в лоб. Палачи обступили его, и Дамьен сказал им, чтобы не бранились, делали свое дело, а он на них не в обиде; просил их молиться за него, а священника церкви Святого Павла – отслужить молебен на ближайшей мессе.

Мельчайшие подробности казни воспроизведены в многочисленных свидетельствах современников и периодической печати того времени. Мишель Фуко в своей книге «Надзирать и наказывать» приводит описание казни, сделанное одним из караульных, стоявших на площади.

После двух-трех попыток палач Самсон и тот другой, который орудовал щипцами, вытащили из карманов ножи и, поскольку большие ничего не оставалось, надрезали тело Дамьена в бедрах. Четыре лошади потянули что есть силы и оторвали обе ноги, сначала правую, потом левую. Потом надрезали руки у предплечий и подмышек и остальные

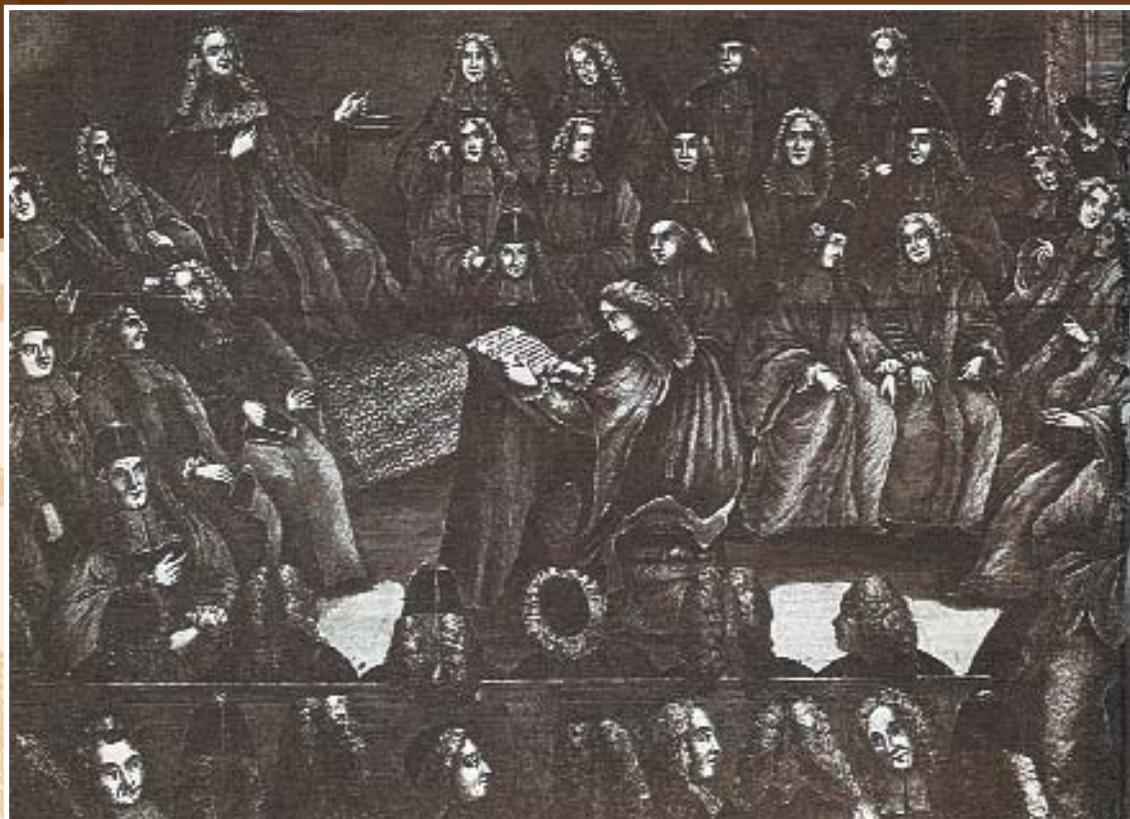
связки; резать пришлось почти до кости. Лошади насадно рванули и оторвали правую руку, потом левую.

Когда все четыре конечности были оторваны, духовники пришли говорить с ним. Но палач сказал им, что он мертв, хотя, по правде сказать, я видел, что он шевелится, а его нижняя челюсть опускается и поднимается, будто он говорит.

Vue de l'Hotel de ville de Paris, et de la place de greve.

Journal curieux et précis; Regis.

Заседание Парижского парламента.
Фрагмент французской гравюры 1755 г.
Национальная библиотека, Париж.

Справа:
Казнь Дамьена. Французский лубок XVIII в.
Национальная библиотека, Париж.

Один из палачей вскоре после казни даже сказал, что, когда они подняли торс, чтобы бросить на костер, он был еще жив. Четыре оторванных конечности отвязали от тросов и бросили на костер, сложенный в ограде рядом с плахой, потом торс и все остальное закидали поленьями и вязанками хвороста и зажгли воткнутые в дрова пучки соломы.

«Во исполнение приговора все было сожжено дотла. Последний кусок, найденный в тлеющих углях, еще горел в половине одиннадцатого вечера. Куски мяса и туловище сгорели часа за четыре. Офицеры, в том числе я и мой сын, вместе с отрядом лучников оставались на площади почти до одиннадцати».¹⁰

29 марта был вынесен приговор остальным членам семьи Дамьен:

– все они должны были сменить родовое имя, которое впредь находится «под запретом»;

– отец Дамьена, а также его жена и дочь должны покинуть королевство, и никогда не возвращаться под страхом быть повешенными;

– родной дом Дамьена должен быть стерт с лица земли, и на его месте ничего не может быть построено.

Однако, Людовик XV, убежденный в невиновности отца, жены и дочери, назначает им пенсию в 600, 300 и 300 ливров соответственно, что по тем временам было весьма солидной суммой. 27 апреля членов семьи Дамьен освободили из Бастилии, где их продержали все время, пока шел процесс. Отныне они примут родовое имя Гийемон. Им предписано покинуть французское королевство в 24 часа, после того как король выплатит годовую пенсию. Отец Дамьена уедет в Попериг (современная Бельгия), а жена и дочь – в Сарлуис (Германия).

События, связанные с именем Дамьена, – одна из темных и загадочных страниц в истории Франции. Большинство современных историков сходятся на том, что весь судебный процесс был сфабрикован с самого начала, и представляет собой, в сущности, «триумф варваров». По мнению Марион Сиго, изучавшей историю Дамьена в течение пяти лет, «он был, несомненно, самым оклеветанным человеком своего времени».

¹⁰ Цит. по: Фуко М. Надзирать и наказывать. – М., 1999. – С.8-10.

Дамьен был последним французом, приговоренным к четвертованию. После него публичных казней с применением пыток не проводилось. Вскоре получил широкое распространение более «гуманный» способ убийства – гильотина. Как справедливо заметил М. Фуко: «Церемониал наказания сходит со сцены; он сохраняется только как новый процедурный или административный акт. [...] Наказание постепенно перестает быть театром. И все, что остается в нем от зрелища, отныне воспринимается отрицательно; как будто постепенно перестают понимать функции

уголовно-исполнительной церемонии, как будто этот ритуал, который «завершал» преступление, заподозрили в недолжном родстве с последним; словно заметили, что он равен, а то и превосходит в варварстве само преступление, привлекает зрителей к жестокости, тогда как должен отваживать от нее, показывает им, насколько часты преступления, выдает в палаче преступника, в судьях – убийц, в последний момент меняет роли, превращая казнимого преступника в объект сочувствия или восхищения».¹¹

Интересно, что духовный авторитет эпохи Вольтер кошмарную

смерть Дамьена назвал «закономерным итогом его поступка». А вот «легкомысленный» распутник Джакомо Казанова высказался совершенно иначе: «Дамьен был фанатик, что веря, будто вершит доброе дело, пытался убить Людовика XV. Он едва цацарпал ему кожу, но не все ли равно. Народ, собравшийся на казнь, кричал, что это чудовище, извергнутое адом, дабы погубить обожаемого монарха, лучшего из государей, какового по праву нарекли Возлюбленным. А меж тем то был тот самый народ, что уничтожил всю королевскую семью, все французское дворянство, всех, кто составлял цвет нации, благодаря кому прочие народы уважали ее, любили, брали с нее пример. Нет народа гнуснее французов, говорил сам г. де Вольтер. Это хамелеон, вечно меняющий цвет, способный содейть все, что только повелит ему вождь, и добро, и зло».

«...Народ, собравшийся на казнь, кричал, что это чудовище, извергнутое адом, дабы погубить обожаемого монарха, лучшего из государей, какового по праву нарекли Возлюбленным. ... то был тот самый народ, что уничтожил всю королевскую семью...»

¹¹ Цит. по: Фуко М. Надзирать и наказывать. – М., 1999. – С.14-15.